

Никколо Паганини — Urbanculture

IRL Люди
Музыка Исполнители

Никколо Паганини (*Niccolò Paganini*) — музыкант всех времен и народов, хотя физически просуществовал в этом мире всего с 1782 по 1840 год. Истинный итальянец. Виртуозный скрипач и гитарист, композитор, новатор (но к *rapan metal* никакого отношения не имеет).

Детство

Будущий гений родился на окраине Генуи в переулке Черной Кошки, в семье портового лавочника. Тем не менее, его отцу, Антонио Паганини, было не чуждо прекрасное и на досуге он любил зашпилить на своей мандолине что-нибудь забойно-хитовое из последнего альбома *Megadeth*. Окружающие явно не разделяли музыкальные потуги Антонио, но раскрыть глаза последнему на его способности без риска для собственного здоровья удалось только четырехлетнему Никколо, показавшему верный подбор мелодии. Отец быстро смекнул, что к чему, и купил ему скрипку. Уходя на работу в лавку, запирает начинающего скрипача в подвале для полного сосредоточения на игре, а не на всякой детской ерунде. Так начиналось восхождение юного Паганини на музыкальный Олимп.

И чуть было сразу же не закончилось. Истощенный каждодневными занятиями, Никколо заболел и впал в *каталепсию* — состояние на грани жизни и смерти. Его вовсе сочли умершим, положили в гроб и собирались уже похоронить, лишь в последний момент он избежал путешествия *на тот свет*. Как ни странно, ни это происшествие, ни «педагогические» приемы отца не отвратили, а только усилили тягу Никколо к музыке.

Не менее знаковым в судьбе гения оказался следующий эпизод. Заболевшая мать после проведенной в бреду ночи поведала, что ее посещал ангел. И рассказал, будто ее дни сочтены, но ее сын Никколо станет лучшим скрипачем в мире. Поэтому ни в коем случае нельзя бросать занятия со скрипкой, что Никколо незамедлительно пообещал. Мать, кстати, успокоилась и поправилась.

Отец пытался подыскать годных учителей, но сложно было найти наставника, соответствующего таланту сына. Один за другим они отказывались, признавая превосходство навыков игры еще совсем юного Паганини. Уже тогда написанные им произведения были настолько трудны, что кроме него самого мало кто мог их исполнить.

Однажды некий генуэзский богатый коллекционер решил проверить мастерство восходящей звезды, посулив в награду великолепную скрипку Гварнери, если Паганини без ошибок сыграет «с листа» незнакомую мелодию. Нужно ли добавлять, что Никколо с легкостью обзавелся дорогим инструментом, а скептически настроенный нувориш был посрамлен.

Excelsior

Почуввав запах денег, отец спешит с началом концертной деятельности Никколо. В 11 лет Паганини впервые выступает в Генуе. Будучи далеко не дураком, тщательно готовит материал. В 1789 году грянула Великая Французская революция, в Италии витали похожие настроения, бурление нарастало. И среди исполняемых сочинений звучат как раз собственные вариации юного музыканта на тему французской революционной песни «Карманьола». Успех обеспечен. Последовавшее вскоре турне по Италии приносит и первое признание.

В 16 лет Никколо наконец избавляется от неумемного отцовского промоушена и обретает полную самостоятельность. Одновременно открывает для себя иные увлечения, помимо музыки. Одержимость азартными играми, головокружение от обилия поклонниц приносят не только сладострастное удовлетворение, но и служат зарождению дурной молвы. Никколо не обращает внимание, жизнь его отныне состоит из постоянных гастрольных переездов с последующим кратковременным отдыхом в компании какой-нибудь очередной обожательницы, естественно. Причем *signorina* могла рассчитывать на внимание Паганини только в случае соответствия его критериям: большая грудь, тонкая талия и стройные ноги. Остальных выручал старый добрый шлик.

Вошедшие в анналы знаменитые поклонницы

Концертная деятельность

Выступления Паганини всегда отличались особым размахом. Иначе как феерией, назвать подобное было

невозможно. На публику это производило настолько неизгладимое впечатление, что многие с непривычки даже падали в обморок...

Весь set-list он продумывал буквально до мелочей: от репертуара, куда входили исключительно собственные оригинальные импровизации и сочинения, до каскада эффектных заранее продуманных трюков с лопнувшей струной, игрой на специально расстроенной скрипке и коронного «привета с деревенской фермы» — непревзойденной имитации^[1] кудахтанья курицы, крика осла, пения канарейки и даже собачьего лая. Не говоря уже, что он научился скрипкой передавать звон гитары, нежное пение флейты, звучание труб и валторн, то есть буквально заменил собой целый оркестр. Восхищенная публика прозвала его «Южным колдуном».

Во многом именно Паганини положил начало сольным концертным выступлениям, в полной мере он мог сказать: «Господа, концерт - это я!» Отличительной чертой его исполнительской манеры была театральность, зрелищность, зачастую рассчитанная, впрочем, на массового слушателя: непроницаемое, словно у сфинкса, лицо, странно-насмешливая улыбка, небрежная походка, почти карикатурная манера держать скрипку. Как умелый режиссер, маэстро придавал важное значение и эффектному выходу, чтобы «завести» публику, а также сопровождающим жестам, поклонам, позам, взглядам — все было его частью, все вместе неотразимо воздействовало на публику, завораживало и гипнотизировало ее. Стоило ему извлечь из скрипки первые звуки, как... It's show time!

Сохранившиеся отзывы современников бестолковым потомкам:

Итальянский виртуоз является, без сомнения, первым и величайшим скрипачом мира. Его игра поистине непостижима. Всякие пассажи, скачки и двойные ноты звучат у него так изумительно, как ни у одного другого скрипача. Он играет только ему свойственной аппликатурой наитруднейшие двух-, трех- и четырехголосные последовательности, имитирует звучание множества духовых инструментов; играет хроматические гаммы в самых высоких позициях почти у мой подставки так чисто, что это кажется совершенно невероятным. Он играет наиболее трудные фразы на одной струне ошеломляющим способом и одновременно как бы шутя исполняет ноты пиццикато на другой, аккомпанируя басовыми звуками так, что ощущаешь, как будто играет несколько инструментов...

— *«Лейпцигская музыкальная газета»*

Резким движением он сделал два-три коротких вибрирующих прикосновения к струне, давая тем самым сигнал оркестру, и замолк. За этим последовала серия резких пиццикато — и снова пауза. Оркестр, дождавшись повторения этого причудливого маневра, вступил, подчиняясь жестам маэстро, и сквозь заключительный взрыв инструментов прорвался протяжный звенящий голос скрипки — невообразимой твердости и хрупкости... Струны стонали и трепетали, и маэстро, соскальзывая по полутонам на самую нижнюю ступень гаммы, делал это с такой энергией отчаяния, что невозможно было сдержаться от рыданий... В финале Паганини обрушил на затаивших дыхание слушателей каскад сказочных виртуозных пассажей и завершил волшебство вереницей щебечущих стаккато. И эти звуки отрывались от струн, будто вспыхивающие связки шутих. Неужели то, что сейчас все видели и слышали, не было сном?..

— *«Таймс»*

Звуки развертывались спокойно, величественно вздымаясь и нарастая и все вокруг развертывалось вширь и ввысь, образуя колоссальное пространство, доступное лишь духовному, но не телесному взору. В середине этого пространства носился сияющий шар, на котором высился гигантский, гордый, величественный человек, игравший на скрипке. Что это был за шар? Солнце? Я не знаю. Но в чертах человека я узнал Паганини. Это был человек-планета, вокруг которого с размеренной торжественностью, в божественном ритме вращалась вся Вселенная...

— *Генрих Гейне*

Позднее Гейне запечатлел образ музыканта в повести «Флорентийские ночи».

Слава Паганини взлетела до небес после путешествия по Европе. В Вене — Шуберт, в Варшаве — Шопен, в Лейпциге — Шуман, в Париже — Лист и Берлиоз были покорены его талантом. В Германии летом 1830 года он даже получил наследственный титул барона, присвоенный князем Фридрихом IV Сальм-Кирбургским. В Вене, тогдашней музыкальной столице, ни один артист не пользовался такой популярностью, как Паганини, император Франц I назначил его своим камер-виртуозом и наградил золотой медалью работы Иосифа Ланга, на которой были выгравированы слова «Perituris sonis non peritura gloria». Парижская Королевская академия избрала его своим членом. От папы Льва XII Паганини получил орден Золотой шпору^[2], а совет декурионов города Генуи выбил медаль в честь скрипача с надписью:

«Nic. Paganini Fidicini cui nemo par fuit civique bene merenti, 1834». На вершине своей карьеры Паганини превратился в миллионера, среди прочего став обладателем бесценного собрания старинных музыкальных инструментов.

По ту сторону славы

«Способным завидуют, талантливый вредят, гениальным — мстят.»

— Н. Паганини

Благодатной почвой для слухов и сплетен изначально служила сама внешность Паганини, описание которой оставили его современники Гете и Бальзак: мертвенно-бледное, будто вылепленное из воска лицо, глубоко запавшие глаза, худоба, угловатые движения и — самое главное — тонкие сверхгибкие пальцы какой-то невероятной длины, как будто вдвое длиннее, чем у обычных людей. Справедливости ради следует признать, что сам маэстро во многом нагнетал вокруг себя таинственность, интригуя необычайными секретами своей игры, которые он обнаруживает только по окончании своей карьеры. При жизни Паганини напечатал очень мало сочинений, опасаясь пронырливых копирастов.

Паганини был всегда не в ладах с католиками: отказывался сочинять для них псалмы, нажил приличное состояние, которым не хотел делиться с папским двором. В ответ церковники в излюбленных своих традициях поливали его грязью:

Все лучшее и высокое в мире связано с христианством. Лучшие музыканты нашего века пишут церковные гимны. Нет ни одного классического композитора, который не писал бы оратории и мессы. Реквием Моцарта, оратории Баха, мессы Генделя свидетельствуют о том, что господь не оставляет Европы и что вся наша культура строится на началах христианской любви и милосердия. Но вот появился скрипач, который сворачивает с этой дороги. Всем своим поведением, ненасытной алчностью, упоительным ядом земных соблазнов Паганини сеет тревогу на нашей планете и отдает людей во власть ада. Паганини убивает младенца Христа.

Гений в представлении миролюбивых христиан.

Паганини называли Гарпагоном^[3], отвратительным скрягой, алчным и ненавистным итальянским драконом. Это отражалось даже, к примеру, на нередких повседневных разборках с Антонией:

— Мне все говорят, что вы безбожник! Вы отказались окунуть скрипку в святую воду! Вы — враг христовой церкви!
— Ее не для того создавал божественный Гварнери, чтоб размочить в угоду попам. В покушениях на меня как музыканта компания святош готова пойти на любое предательство. Да, я действительно связан с дьяволом, да, я действительно нахожусь в руках нечистой силы, но эта грязная сила — попы, а дьявол — это вы синьора!

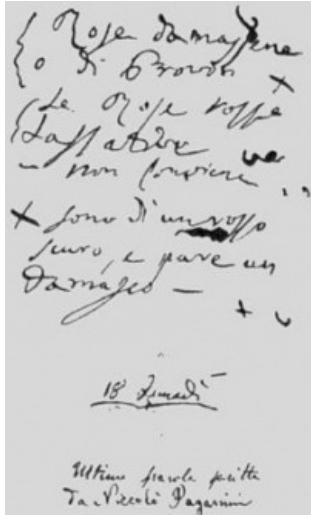
Личность Паганини служила неистощимым источником для генерации фантастических легенд, чему способствовали своеобразие его «демонического» облика и романтические эпизоды биографии. Католическое духовенство преследовало Паганини за антиклерикальные высказывания, сочувствие движению карбонариев. Паганини называл скрипку «моя пушка» — так музыкант выражал свое участие в национально-освободительном движении Италии, развернувшимся в первой трети XIX в. Неистовое, бунтарское искусство скрипача вдохновляло итальянцев на борьбу.

С одной стороны его боготворят, поклоняются, восхваляют в стихах. С другой стороны Никколо — удобная мишень для нападок, клеветы и наветов. Некие «доброжелатели» шлют письма его матери и отцу, описывая разврат и кутежи, в которых, якобы, погряз их сын. Позже газеты напишут, что мастерство свое он оттачивал, сидя в тюрьме, где нечем было заняться, кроме запилов на скрипке. Эту легенду повторил французский писатель Стендаль в книге «Жизнь Россини», согласно которой к вершинам мастерства Паганини привели «не длительные, упорные занятия и учеба в консерватории, а ошибка в любви, из-за которой, как говорят, он много лет провел в заключении, где сидел в колодках всеми забытый и одинокий. Там у него оказалось только одно утешение — скрипка, и он научился изливать на ней душу». Другие слухи станут утверждать о договоре, заключенном с самим дьяволом, или о том, что вместо струн на его скрипке натянуты кишки замученной им Антонии. Неоднократно публикуются фальшивые сообщения о его смерти. Беда в том, что некоторое время сам музыкант не опровергал подобные вымыслы, потому что они повышали интерес слушателей к нему и привлекали на концерты широкую аудиторию. Однако позднее Паганини устал писать опровержения.

Творчество

Dyers eve

С юных лет Паганини и так не отличался здоровьем геркулеса-атлета, а увлечение музыкой,

олицетворившее собой Суть™ и Значимость™ отдельно взятой человеческой личности, без остатка вобрало в себя жизненную силу маэстро. Уже тяжело больной, Паганини не скрывал: «Желать себе я мог бы смерти, но и желание угасло...» Слава, богатство, любовь — в конце концов, «все суета сует». Правда, осознание нехитрой присказки доходит ко времени (Творец — вот истинный юморист, не иначе!), когда пить «Боржоми» уже поздно.

Каждодневные многочасовые занятия игрой на скрипке периода ранней юности отнюдь не благоприятно сказались на взрослеющем детском организме Никколо. Позвоночник был безнадежно искривлен (а самый последний бездарь-медик подтвердит, что сей орган — основа и столп здоровья), одно плечо заметно отличалось по высоте от другого. В дальнейшем букет болезней Паганини становился лишь богаче: **больные почки**, переутомление и нервное перенапряжение — неизбежное следствие частого тесного общения с женщинами, продолжающиеся каталептические припадки. Причем во время игры, пока слушатели кайфовали в экстазе, сам артист зачастую испытывал противоположные ощущения.

Посмертная записка гения.

В 1837 году Никколо Паганини еще концертировал, но затем состояние его здоровья резко ухудшилось. Практически полностью потерял способность изъясняться, с окружающими общался посредством записок. Но чувство юмора не терял, сравнивая себя с Бетховеном (который на закате жизни оглох, видимо, не выдержав фальшивящих Ебланов Биланов той эпохи), только наоборот. Окончательно добила его чахотка, весьма распространенная в стародавние времена, и лues, который в XIX веке не умели лечить^[4].

Последние свои месяцы Паганини провел в Ницце. Под конец стал настолько плох, что не мог ходить и даже не в силах был взять в руки скрипку. Перед смертью к музыканту дважды приходил священник, однако исповедаться Паганини так и не смог — совершенно потерял голос. Следуя своим традиционным принципам любви, терпимости и всепрощения, церковники запретили предавать «сатану» земле в любой стране, где есть христианский крест. Епископ Ниццы даже отказал в заупокойной мессе.

В завещании Паганини было написано: «Запрещаю какие бы то ни было пышные похороны. Не желаю, чтобы артисты исполняли реквием по мне. Пусть будет исполнено сто месс. Дарю мою скрипку Генуе, чтобы она вечно хранилась там. Отдаю мою душу великой милости моего Творца».

«И после смерти мне не испытать покоя...»

После кончины злопыхатели отыгрались вволю над великим музыкантом. Несколько раз **гроб** с останками предавали земле и откапывали вновь. словно повторяя бродячую судьбу артиста, набальзамированное тело долгое время неприкаянно путешествовало по свету. К тому же завещание, по которому внушительное состояние маэстро переходило к сыну, так и не было утверждено. Что церковники не смогли получить при жизни гения, в конце концов досталось им после его смерти под предлогом «молитв об отпущении грехов великому грешнику».

Обывателям все было предельно ясно:

Паганини продал душу дьяволу, и теперь расплачивается за это! Умерло безголосое чудовище, умер проклятый дьявол. Не допустил священников, умер без покаяния, как собака. Его труп оскверняет наш город.

Епископ Ниццы запретил хоронить «еретика» Паганини на местном кладбище. Несколько лет его тело находилось в морге госпиталя для прокаженных. После жалоб местных жителей, которым мерещились по ночам наводящие ужас звуки скрипки, останки маэстро было решено переправить в Геную. На родину гроб был доставлен на шхуне «Мария Магдалена», но трусливый губернатор города отказался даже впускать судно в гавань.

Три месяца простояла шхуна на рейде. Матросы беспрестанно бухали, утверждая, что по ночам из гроба доносятся горестные вздохи и звуки скрипки. Наконец, в результате длительных переговоров останки Паганини было разрешено перенести в подвал замка графа Чессоле — друга скрипача. Но и там они пролежали недолго. Слуги стали жаловаться, что гроб мерцает в темноте дьявольским светом.

Друзья не оставляли усилий захоронить маэстро по-христиански на кладбище. Усилия эти увенчались успехом лишь в 1876 году в Парме — спустя почти тридцать лет после его смерти!

Но в 1893-м гроб вновь откопали, так как опять пошли слухи, что из-под земли доносятся странные звуки, словно там находится живое существо. В присутствии внука Паганини, чешского скрипача Франтишека Ондржичека, прогнивший ореховый гроб был вскрыт. Тело музыканта практически истлело, но голова, особенно лицо,

загадочным образом великолепно сохранились. Это дало пищу для новой волны самых невероятных слухов и сплетен. В 1896 году гроб с останками Паганини вырыли еще раз и перевезли на новое пармское кладбище. Теперь здесь на могиле стоит величественный монумент в виде небольшого храма. Он сложен из гранита, взятого с берегов озера Лаго-Маджоре.

Интересные факты о маэстро

Галерея

Никколо Паганини.
Гравюра 19 века.

Йозеф Данхаузе.
1840 год.

Афиша.

Игорь Жарков.
Никколо Паганини.

Скрипка Паганини
работы Гварнери.

Александр Маранов.
Никколо Паганини.

Глазами детей.

Маска.

Louis Boulanger
Paganini in Prison,
1831.

Примеры исполнения

Яша жжёт! (Caprice №24)

Caprice №5.

Rondo Galante.

Примечания

- ↑ Однажды Паганини послал по эротическому адресу неблагодарных зрителей, звуками скрипки воспроизведя нужные слова.
- ↑ Также этой наградой владели Моцарт и Глюк.
- ↑ От греч. *harpax* хищный, жадный — герой комедии Мольера «Скупой». Имя это сделалось нарицательным для скупого человека.
- ↑ И который, видимо, свел в могилу тридцатилетнего Шуберта, привел к глухоте Бетховена, а Доницетти и Шумана к безумию.